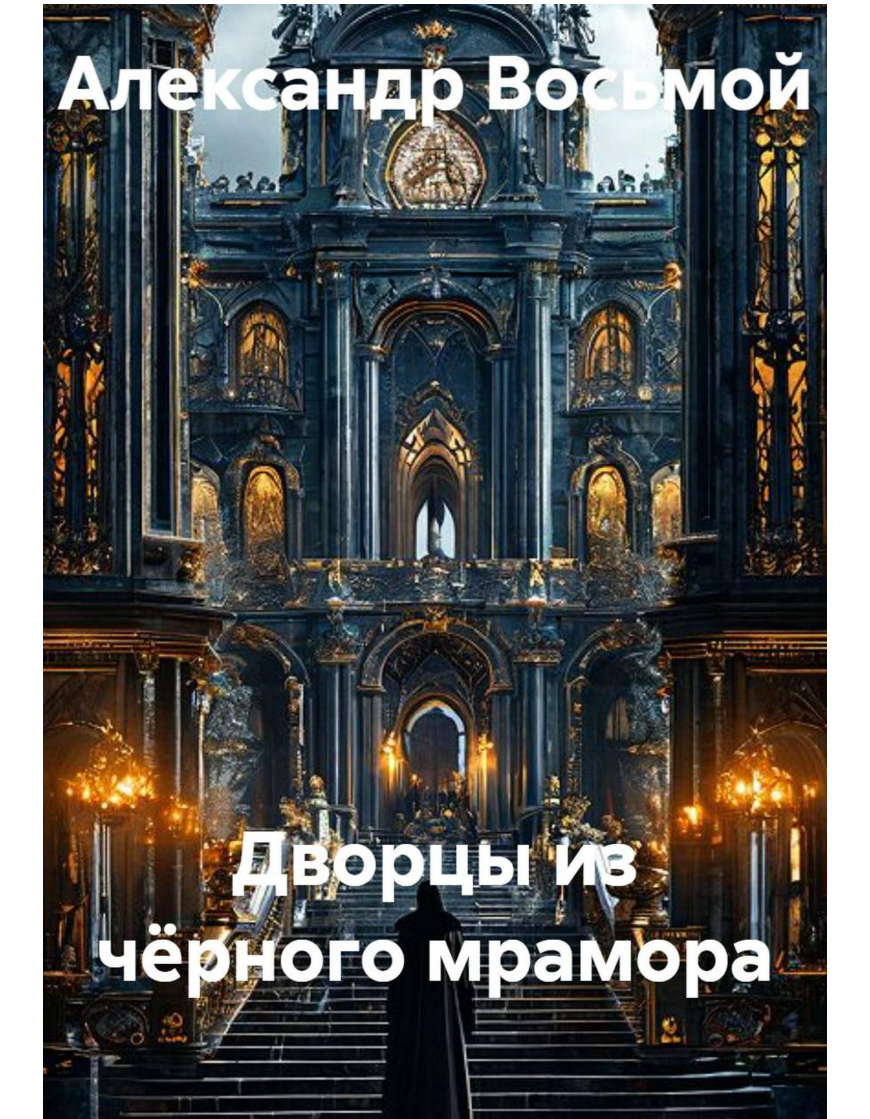

The image depicts a highly ornate, dark interior space, likely a palace or cathedral. The architecture is characterized by deep blue and black tones, with intricate gold detailing. A wide staircase leads up towards a central, brightly lit archway. A figure in a black cloak stands at the bottom of the stairs, looking up. The walls are covered in complex carvings and statues, and the lighting is dramatic, with warm golden light emanating from the arches and side panels, contrasting with the cool blue and black of the main structure.

Александр Восьмой

**Дворцы из
чёрного мрамора**

Александр Восьмой

Дворцы из чёрного мрамора

<https://litres.ru/74312457>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дворцы из чёрного мрамора. Целый комплекс дворцов, выстроенных из редкого чёрного мрамора, отражает не свет, а тени. В этих залах плетутся интриги, способные стереть целые династии. Молодая наследница должна пройти по зеркальным залам, чтобы найти правду, скрытую в отражениях.

Александр Восьмой

Дворцы из

чёрного мрамора

Глава 1. «Пролог: шёпот в зеркальных залах»

Рассвет только-только касался острых шпилей дворцового комплекса, и в этом робком свете чёрные мраморные стены казались не просто тёмными — они будто втягивали в себя сам свет, превращая его в густую, почти осязаемую тень. Город внизу ещё спал, укрытый дымкой, но над дворцами уже кружили вороны, их крылья чертили в воздухе резкие линии, словно предупреждая: сегодня что-то изменится.

Наследница Лира шла по галерее, не поднимая головы. Её шаги звучали непривычно громко — будто дворец специально усиливал каждый звук, чтобы напомнить: здесь ничто не остаётся незамеченным. По обе стороны тянулись зеркала в тяжёлых рамах из чёрного металла. Они не отражали привычного мира: в них проступали не лица, а намёки на чувства — лёгкая дрожь страха, тень сомнения, холодный отблеск чужой воли. Лира старалась не смотреть, но зеркала будто сами тянулись к ней, выхватывая из её взгляда то, что она пыталась спрятать.

Тронный зал был огромен — такой, что даже шёпот здесь превращался в эхо, а эхо — в голос, звучащий сразу со всех

сторон. Потолок терялся в полумраке, колонны из чёрного мрамора уходили вверх, как стволы окаменевших деревьев, и казалось, что зал — это не творение рук человеческих, а древний лес, застывший в камне. В центре, на возвышении, стоял трон, вырезанный из цельного куска мрамора. Он не блестел — он поглощал свет, и от этого казался не предметом, а провалом в другую реальность.

Лира остановилась у подножия ступеней. Она знала, что не должна быть здесь так рано. Слуги ещё не успели обойти залы, стражники стояли неподвижно, будто статуи, и только их глаза следили за каждым её движением. Но сегодня её тянуло сюда с такой силой, что сопротивляться было бесполезно. Что-то ждало её в этом зале.

И тогда она слышала шёпот.

Сначала Лира подумала, что это ветер — он скользил по мраморным стенам, шуршал в высоких нишах, шевелил тяжёлые портьеры. Но потом шёпот стал разборчивым. Он не звучал в ушах — он возникал прямо внутри головы, тихий, настойчивый, чужой. Слова были обрывочными, как осколки фраз: «...династия падёт...», «...отражение лжёт...», «...не верь тому, что видишь...».

Лира замерла. Её пальцы впились в холодный мрамор перил, ногти оставили едва заметные царапины — единственный след, который она могла оставить в этом вечном камне. Она медленно повернула голову, пытаясь найти источник звука. Но в зале не было никого. Только зеркала, колонны и

тени, которые двигались не в такт её движениям.

Одно из зеркал вдруг потемнело сильнее остальных, будто в него плеснули чернилами. Лира шагнула ближе, не в силах отвести взгляд. В отражении она увидела не себя — а силуэт, едва различимый, словно сотканный из дыма. Он стоял прямо за её спиной, но когда Лира резко обернулась, за ней была только пустота.

Шёпот стал громче: «...они уже начали... ты последняя... найди правду в отражениях...».

Сердце Леры забилося так сильно, что казалось, будто оно хочет вырваться из груди и убежать прочь, подальше от этого зала, от этих зеркал, от этого голоса. Но ноги не слушались. Она снова посмотрела в зеркало — и на этот раз увидела своё отражение. Бледное лицо, широко раскрытые глаза, в которых плескался страх, смешанный с решимостью. И в этом отражении, на долю секунды, мелькнуло что-то ещё — тёмная линия, протянувшаяся от её груди к самому сердцу, словно невидимая нить, связывающая её с чем-то древним и опасным.

Внезапно зал наполнился светом — настоящим, резким, безжалостным. Рассвет прорвался сквозь высокие окна, и на мгновение чёрный мрамор вспыхнул багровыми отблесками, будто покрылся тонкой плёнкой крови. Тени сжались, шёпот оборвался, и тишина стала такой густой, что её можно было потрогать.

В дверях появились слуги. Они двигались бесшумно, но

их взгляды были тяжёлыми, оценивающими. Один из них поклонился, не поднимая глаз:

— Госпожа, вас ждут в малом зале. Совет уже собрался.

Лира кивнула, но не двинулась с места. Она ещё раз посмотрела на зеркало — теперь в нём отражалась только она. Юная наследница в простом платье, с волосами, выбившимися из причёски, и с лицом, на котором ещё не успела стереться тень страха. Но в её глазах уже загоралось что-то новое — холодная решимость, рождённая не из гордости, а из понимания: первая трещина в фундаменте династии уже появилась. И если она не найдёт правду, эта трещина превратится в пропасть.

Она повернулась и пошла прочь из тронного зала, чувствуя, как каждый её шаг отдаётся в стенах дворца, как будто сам камень запоминал её путь. Впереди ждали интриги, ложь и тени, способные стереть целые династии. Но теперь Лира знала: правда прячется не в словах и не в клятвах, а в отражениях. И она найдёт её — даже если для этого придётся заглянуть в самые тёмные уголки дворца, где свет не живёт, а тени говорят.

Глава 2. «Дворцы, что глотают свет»

Лира вышла на балкон, и у неё на мгновение перехватило дыхание. Перед ней раскинулся город — не просто скопление домов, а гигантская сцена, на которой веками разыгрывались трагедии и триумфы. А над всем этим, подавляя своим масштабом, высились дворцы из чёрного мрамора. Они

не сияли, не бликовали на солнце — они будто втягивали свет в себя, превращая его в плотную, тяжёлую тень. Казалось, будто эти здания — не творения рук человеческих, а застывшие волны тьмы, поднявшиеся из глубин земли и окаменевшие в форме колонн, арок и шпилей.

Площадь под балконом была огромна — такой, что даже крики, если бы кто-то закричал, растворились бы в её пространстве, не долетев до дальних стен. По краям площади тянулись галереи, их своды опирались на десятки колонн, каждая из которых была выше трёхэтажного дома. В центре возвышался монумент — фигура древнего правителя, застывшая в повелительном жесте. Но даже он, высеченный из редкого камня, казался здесь не властелином, а лишь крошечной деталью в колоссальном замысле архитекторов, задумавших не просто дворцы, а ловушки для света и воли.

Лира вцепилась пальцами в резные перила. Холод камня проникал сквозь кожу, словно пытался остудить жар её тревоги. Она впервые по-настоящему осознала, насколько велика власть, которая теперь лежала на её плечах — и насколько огромна угроза, таящаяся в этих стенах. Каждый коридор, каждый зал, каждая ниша в стене здесь хранили чужую тайну, и эти тайны сплетались в невидимую паутину, готовую опутать любого, кто осмелится пойти против её узора.

Снизу доносился ровный гул города: скрип повозок, голоса торговцев, лязг подков по брусчатке. Но стоило поднять глаза на дворцы — и этот привычный шум становился чем-

то далёким, почти нереальным. Здесь, среди чёрного мрамора, существовали другие законы. Здесь власть измерялась не словами и не клятвами, а тем, сколько теней ты мог заставить служить себе.

К Лире бесшумно подошёл советник — старик с лицом, похожим на выветренный камень, и глазами, в которых отражался весь этот дворец. Он поклонился, не поднимая головы, и тихо произнёс:

— Сегодня Совет будет обсуждать вопрос о престолонаследии. Вам лучше держаться ближе к главным залам. Там, по крайней мере, все враги у вас на виду.

Лира едва заметно кивнула, но внутри у неё всё сжалось. «На виду» — это ещё не значит «безопаснее». В этих дворцах самые страшные удары наносились именно теми, кого ты видел каждый день, чьи лица были тебе знакомы, чьи голоса звучали в коридорах, смешиваясь с эхом.

Она отошла от перил и двинулась вдоль галереи. Мрамор под ногами был отполирован до такой гладкости, что казалось, будто идёшь по застывшей воде. По обе стороны тянулись высокие окна, но даже сквозь них свет не проникал свободно — он дробился, терял силу, становился серым и тусклым, прежде чем коснуться пола. А вдоль стен, как молчаливые стражи, стояли зеркала. Они не отражали мир честно: в них проступали не лица, а намёки на чувства, обрывки мыслей, тени сомнений. Лира старалась не смотреть в них, но зеркала будто сами искали её взгляд, вытягивая наружу

то, что она пыталась спрятать.

Галерея вывела её к огромной арке, за которой открывалась другая площадь — ещё более просторная, чем первая. Здесь собирались представители знатных домов, здесь звучали речи, от которых менялись судьбы целых провинций. Сейчас площадь была почти пуста, лишь вдалеке несколько фигур в тёмных плащах переговаривались, время от времени бросая взгляды в сторону дворцов. Лира замерла на пороге арки, чувствуя, как пространство вокруг неё становится тяжелее, будто само здание давило на неё, напоминая о её месте и её долге.

Внезапно ветер рванул по площади, взметнув пыль и заставив тяжёлые знамёна на башнях глухо хлопнуть, как натянутые струны. И в этот момент чёрный мрамор будто ожил: тени на его поверхности сдвинулись, сложились в странные узоры, похожие на письмена, которых Лира не могла прочесть. На мгновение ей показалось, что дворцы не просто стоят здесь — они наблюдают. Они впитывают каждое слово, каждый шаг, каждое биение сердца, чтобы позже использовать это против тех, кто осмелился считать себя их хозяевами.

Лира сжала кулаки. Её пальцы побелели от напряжения, но она не отступила. Если эти стены хотели напугать её масштабом, если они хотели заставить её чувствовать себя маленькой и беспомощной — они ошибались. Да, дворцы были огромны. Да, они глотали свет и прятали тайны. Но именно в

этих зеркальных залах, среди этих теней, ей предстояло найти правду. И она найдёт её — даже если для этого придётся пройти по каждому коридору, заглянуть в каждое зеркало и встретиться лицом к лицу с теми, кто веками прятался в темноте.

Она шагнула вперёд, пересекая границу арки, и площадь приняла её в свои холодные объятия. Ветер снова рванул ткань её платья, будто пытаясь остановить, предупредить. Но Лира шла дальше, чувствуя, как под ногами дрожит камень — не от землетрясения, а от тяжести истории, от тысяч шагов, которые уже прозвучали здесь, и от тех, что ещё прозвучат. Впереди ждали интриги, способные стереть целые династии. И теперь Лира знала: чтобы выжить, ей придётся стать не просто наследницей — ей придётся стать хозяйкой этих теней.

Глава 3. «Зал отражений: первое испытание»

Путь к Залу отражений лежал через лабиринт боковых коридоров — узких, почти лишённых света, где даже факелы горели как-то неуверенно, будто боялись разогнать тьму. Лира шла, стараясь не смотреть на стены: чёрный мрамор здесь был испещрён тонкой резьбой — странными символами, похожими на застывшие тени. Ей казалось, что эти знаки следят за ней, складываясь в новые узоры всякий раз, когда она отводила взгляд.

Наконец коридор вывел её к массивным двустворчатым

дверям. Они не были украшены золотом или драгоценными камнями — их красота заключалась в пугающей простоте: идеально отполированный чёрный мрамор, тяжёлые бронзовые петли и ручки в форме переплетённых змей. Лира на мгновение замерла, чувствуя, как холод камня проникает сквозь тонкую ткань платья, словно предупреждая: то, что ждёт за этими дверями, изменит её навсегда.

Двери распахнулись без скрипа — будто сами знали, что час настал.

Зал отражений оказался не просто комнатой — это был целый мир, заключённый в стенах из чёрного мрамора. Потолок терялся в полумраке, а пространство казалось бесконечным: зеркала тянулись рядами, уходя вдаль, создавая иллюзию тысяч залов, сливающихся в один. Но самое странное было не в этом. Зеркала не отражали лиц. Вместо привычных очертаний в них проступали эмоции — острые, как осколки стекла: зависть, страх, холодная решимость. В одном зеркале Лира увидела пульсирующую тёмно-красную волну — ярость, готовую вырваться наружу. В другом — тонкую чёрную нить, тянущуюся из чьего-то сердца, — предательство, ещё не совершённое, но уже задуманное.

Она сделала шаг вперёд, и пол под ногами отозвался глухим эхом, будто зал не хотел принимать её присутствие. Стены здесь тоже жили своей жизнью: по мрамору медленно ползли тени, складываясь в обрывки фраз. Лира наклонилась, пытаясь разобрать слова, и вдруг услышала шёпот —

не в голове, как в тронном зале, а прямо из камня, тихий и настойчивый:

«Не верь тому, что видишь. Здесь правда — это то, чего нет».

В центре зала возвышался постамент с единственным предметом — маленьким зеркалом в простой оправе из тёмного металла. Оно отличалось от остальных: его поверхность была мутной, словно затянутой пеленой тумана. Лира протянула руку, но остановилась. Что-то подсказывало ей, что этот предмет — не просто артефакт, а ловушка, проверяющая не зрение, а душу.

В этот момент в зале появился советник — тот самый старик, который утром предупреждал её держаться ближе к главным залам. Он остановился у входа, не решаясь пройти дальше, и его лицо в одном из зеркал исказилось, отразив не возраст и усталость, а холодную расчётливость, от которой у Леры похолодело внутри.

— Вы не должны быть здесь, госпожа, — произнёс он, и его голос прозвучал непривычно громко в этой зеркальной тишине. — Этот зал не прощает ошибок.

Лира медленно повернулась к нему, стараясь не выдать дрожи в голосе:

— А если ошибка — это не смотреть? Если правда прячется именно там, где страшно видеть?

Советник опустил глаза, и в его отражении на мгновение мелькнуло что-то похожее на уважение — или на страх.

— Тогда вам придётся выбрать, — тихо сказал он. — Поверить своим глазам или тому, что шепчут стены. Но знайте: здесь оба варианта могут быть ложью.

Лира снова посмотрела на маленькое зеркало на постаменте. Туман на его поверхности начал рассеиваться, открывая не её собственное лицо, а сцену, которой не могло быть в реальности: зал Совета, где все присутствующие смотрели не друг на друга, а на пустое место — на то место, где должна была сидеть она. И в их взглядах читалось не почтение, а ожидание. Ожидание её падения.

Шёпот стал громче, теперь он звучал со всех сторон сразу: «Они уже решили. Ты — лишняя деталь. Сотри себя — и всё станет проще».

Лира сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль была настоящей, резкой, отрезвляющей. Она подняла голову и посмотрела не в зеркало, а на свои руки — на живую, тёплую плоть, которая доказывала, что она существует, что её нельзя стереть простым шёпотом или отражением.

— Нет, — прошептала она, и это слово, тихое и твёрдое, отозвалось в зале как удар колокола.

Туман в зеркале вспыхнул и растаял, обнажив её собственное отражение — бледное, решительное, с глазами, в которых больше не было страха, только холодная ясность. В тот же миг зеркала вокруг начали меняться: вместо чужих эмоций в них появились реальные сцены — фрагменты

разговоров, мимолётные взгляды, едва заметные жесты, которые раньше ускользали от её внимания. Лира видела, как один из советников незаметно кивает кому-то в тени; как стражник у боковой двери отводит взгляд, будто стыдясь того, что видел; как на мраморной плите у дальней стены проступает едва заметная надпись, которую раньше скрывали тени: «Правда — в молчании».

Советник у входа резко побледнел, увидев эти отражения, и сделал шаг назад, словно хотел сбежать от того, что только что стало видимым. Но Лира уже не смотрела на него. Она смотрела на зал — на эти бесконечные ряды зеркал, которые наконец-то начали показывать не эмоции, а факты. Горькие, неудобные, опасные факты, которые кто-то очень хотел спрятать.

Она подошла к постаменту и взяла маленькое зеркало. Его поверхность теперь была чистой, прозрачной, отражая только реальность. Лира подняла его и посмотрела в него, как в щит.

— Я вижу вас, — тихо, но отчётливо произнесла она, обращаясь не к зеркалу, а ко всем, кто прятался в тенях этого зала. — И вы больше не сможете притворяться невидимыми.

Зеркала вокруг отозвались тихим звоном, словно струны, натянутые до предела. Тени на стенах замерли, а потом медленно отступили, растворяясь в мраморе. Зал больше не казался враждебным — он стал просто местом, где хранились секреты. А секреты, однажды увиденные, теряют свою силу.

Ли́ра опустила зеркало и повернулась к выходу. Советник всё ещё стоял у дверей, и теперь в его глазах читалась не расчётливость, а что-то похожее на тревогу — тревогу человека, который понял, что игра изменилась.

— Позовите главного архивариуса, — спокойно сказала Ли́ра, и её голос прозвучал в зале твёрдо, без дрожи. — Мне нужны все записи о Зале отражений. И о тех, кто сюда входил за последние сто лет.

Советник кивнул, поклонился и исчез в коридоре, оставив Ли́ру одну среди зеркал, которые теперь молчали. Но она знала: тишина здесь — не знак мира. Это была пауза перед бурей. И она была готова к тому, что грянет дальше.

Ли́ра вышла из Зала отражений, чувствуя, как тяжесть первого испытания оседает на её плечах не как груз, а как доспех. Теперь она знала: ошибка здесь действительно стоит дороже жизни. Но и правда, найденная в этих зеркалах, стоила того, чтобы рискнуть. Впереди ждали новые залы, новые отражения и новые тайны. И она пройдёт через них все — потому что теперь она видела не только то, что хотели показать ей другие, но и то, что они так отчаянно пытались скрыть.

Глава 4. «Тени, что знают имена»

После Зала отражений коридоры дворца будто стали уже, а воздух — тяжелее. Ли́ра шла, прислушиваясь не к шагам, а к тишине между ними: в этих паузах прятались шёпоты,

которые теперь она различала отчётливо. Слухи ползли по дворцу, как дым сквозь щели, — невесомые, почти незаметные, но вездесущие. В одном крыле шептались, что династия обречена; в другом — что наследница уже предала свой род; в третьем — что кто-то видел, как тени на чёрном мраморе складывались в имена. И страшнее всего было то, что Лира начинала верить: тени действительно знали имена.

Она свернула в полузаброшенное крыло — то, куда редко заглядывали даже слуги. Здесь мрамор был не таким отполированным: его поверхность покрывали мелкие царапины, будто кто-то пытался соскрести с него не грязь, а сами тени. Окна были заколочены, и свет пробивался лишь сквозь узкие щели, дробясь на острые полосы, которые резали пространство на фрагменты. В этом крыле время будто застыло: пыль лежала ровным слоем, но кое-где на ней виднелись свежие следы — узкие, словно от лёгких подошв, уходящие в темноту.

Лира остановилась перед тяжёлой дверью, украшенной резным узором: переплетённые линии напоминали лабиринт, а в центре был выбит символ — круг, пересечённый тремя дугами. Она коснулась его ладонью, и холод камня отозвался в пальцах лёгкой вибрацией, будто дверь была не просто преградой, а живым барьером, который решал, достоин ли вошедший знать то, что скрыто за ней.

Дверь поддалась с тихим, почти жалобным скрипом, и Лиру окутал запах старой бумаги, воска и чего-то металлического.

ского — будто здесь когда-то проливали чернила или кровь. Комната оказалась небольшой, но до потолка заставленной шкафами и ящиками. Это была старая кладовая, где хранили не ценности, а то, что хотели забыть: пожелтевшие свитки, сломанные печати, карты, которые больше не соответствовали реальности.

Лира зажгла небольшой фонарь, и его тусклый свет выхватил из темноты ряды полок. Она начала перебирать свитки, чувствуя, как пальцы цепляются за шероховатую бумагу, словно сами хотят найти что-то важное. И вдруг под стопкой старых отчётов о поставках мрамора она нащупала плотный свёрток, перевязанный потрёпанной лентой. Развязав узел, Лира развернула пожелтевшую карту дворцового комплекса.

Карта была нарисована от руки, тонкими линиями, местами почти стёртыми. На ней были отмечены не только коридоры и залы, но и странные зоны, выделенные пунктиром и помеченные короткими надписями: «Слепая зона — зеркала не видят», «Тень ложится ровно в полдень», «Здесь стены слушают». Лира провела пальцем по линиям, пытаясь соотнести их с тем, что она уже знала. Оказалось, что Зал отражений, в котором она была сегодня утром, был окружён несколькими такими «слепыми зонами» — местами, где зеркала не могли видеть, а значит, где можно было говорить, не боясь, что твои слова станут частью дворцовой паутины.

Но было и кое-что ещё. В самом центре карты, под главным тронным залом, была отмечена подземная галерея —

длинный коридор, уходящий в темноту, с пометкой: «Тени знают имена здесь». И рядом, едва заметным почерком, была приписана фраза: «Не зови их по имени. Они приходят».

Лира замерла, чувствуя, как по спине пробегает холодок, не от холода комнаты, а от смысла этих слов. Она подняла глаза и вдруг заметила, что тени на полу ведут себя странно. Они не следовали за движением фонаря — они двигались сами по себе, скользя по чёрному мрамору, словно живые существа. Одна из них вытянулась, стала тоньше и длиннее, и на мгновение Лире показалось, что в её изгибах проступает знакомый силуэт — тот самый, что мелькнул в зеркале в тронном зале.

В этот момент дверь за её спиной тихо скрипнула. Лира резко обернулась, но в проёме никого не было. Только тень, отделившаяся от стены, скользнула в коридор и исчезла, будто её и не существовало.

— Кто здесь? — тихо, но твёрдо спросила Лира, хотя знала, что ответа не будет. Тени не говорили вслух. Они оставляли следы на камне, шептали в стыках плит, складывались в узоры, которые нужно было уметь читать.

Она снова посмотрела на карту. Теперь она понимала: «слепые зоны» были не просто местами, где не работали зеркала. Это были места, где власть дворца ослабевала, где можно было найти правду — или где правда могла найти тебя. И подземная галерея, отмеченная на карте, была ключом ко всему.

Ли́ра аккуратнó свернула карту и спря́тала её в складках платя́я. Её́ пальцы́ слегкa дрожа́ли, но го́лос, ко́гда она заговори́ла, звуча́л споко́йно:

— Если вы́ знае́те и́мена, значи́т, вы́ знае́те и моё́. Но я не бо́юсь, что вы́ его́ произнесё́те. Я бо́юсь друго́го: что кто-то друго́й испо́льзует его́ проти́в меня́.

Те́ни на по́лу на мгнове́ние за́мерли, бу́дто прислу́шива́ясь, а за́тем ме́дленно разо́шлись, те́ряя чёт́кие очертания́. Каза́лось, они́ не бы́ли вра́гами — они́ бы́ли сви́детелями́. Сви́детелями́ интри́г, заговоро́в и па́дений дина́стий. И те́перь они́ ви́дели и её́.

Ли́ра вы́шла из ко́мнаты, плóтно за́крыв за со́бой де́верь. Ко́ридо́р встре́тил её́ полу́мраком и ти́шиной, но те́перь э́та ти́шина бы́ла напо́лнена смы́слом. Она́ зна́ла, куда́ и́дти да́льше. По́дземная га́лерея́ жда́ла её́, и в её́ те́мноте скрыва́лись отве́ты, кото́рые ни́кто не хо́тел, что́бы она́ нашла́.

Пу́ть ле́жал вниз — ту́да, где́ све́т не жи́л, а те́ни гово́рили. Ли́ра сде́лала ша́г, за́тем ещё́ о́дин, чу́вствуя, как по́д но́гами дро́жит ка́мень, отзы́ваясь на её́ ре́шимость. Впе́реди бы́ла не про́сто та́йна — бы́ла пра́вда, спо́собная сте́реть це́лые дина́стии. И она́ бы́ла гото́ва встре́титься с не́й ли́цом к ли́цу. Да́же е́сли для э́того при́дётся про́йти че́рез са́мые те́мные уго́лки дво́рца, где́ те́ни зна́ют не то́лько и́мена, но и су́дьбы.

Глава 5. «Пло́щадь мо́лчания: го́лос то́лпы»

Пло́щадь пе́ред дво́рцами бы́ла та́кой о́громной, что́, ка́-

залось, она не принадлежала городу — она поглощала город, втягивала его в себя, как чёрная гладь озера втягивает отражения домов. По краям её высились стены из чёрного мрамора, уходящие вверх на головокружительную высоту: они не защищали, а давили, напоминая каждому, кто осмеливался поднять голову, о масштабе власти, стоящей над простыми людьми. Между этими стенами и толпой всегда висела невидимая граница — тонкая, как лезвие, но непреодолимая.

Сегодня эта граница дрожала.

Толпа собралась не по приказу и не по традиции — она пришла сама, будто что-то в воздухе заставило людей покинуть свои дома и выйти сюда, под тень дворцов. Люди стояли плотно, плечом к плечу, но при этом почти не разговаривали. Редкие шёпоты гасли, едва родившись, словно площадь специально высасывала из них звук. Зато эхо здесь работало иначе: оно не повторяло слова — оно подхватывало невысказанные страхи и разносило их, как ледяной ветер, от края до края.

Лира стояла на галерее, высоко над площадью, и смотрела вниз, пытаясь разглядеть не лица — а то, что пряталось между ними. Она уже знала: в зеркальных залах дворца правда прячется в отражениях, но здесь, на площади, она пряталась в молчании. В том, как люди отводили глаза. В том, как сжимали кулаки, а потом разжимали их, будто запрещая себе злиться. В том, как один человек слегка наклонял голову, и

сосед тут же повторял этот жест, не осознавая, что делает. Это было не послушание — это был страх, ставший привычкой.

К Лире подошёл капитан дворцовой стражи — высокий, прямой, с лицом, высеченным из того же холодного камня, что и колонны вокруг. Он не кланялся — он стоял ровно, будто сам был частью архитектуры, и говорил тихо, чтобы его не слышали лишние уши:

— Госпожа, Совет приказал не спускаться на площадь. Здесь сейчас небезопасно не потому, что кто-то хочет причинить вам вред, а потому, что тишина может сказать слишком многое.

Лира не ответила сразу. Она продолжала смотреть вниз, и вдруг заметила одну деталь, которую раньше упускала: на краю площади, у самой стены, стояла старая женщина в тёмном платке. Она не смотрела на дворец — она смотрела прямо на галерею, туда, где стояла Лира. И в её взгляде не было страха. В нём была тяжесть, как будто она хранила какое-то слово, слишком тяжёлое, чтобы произнести его вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.